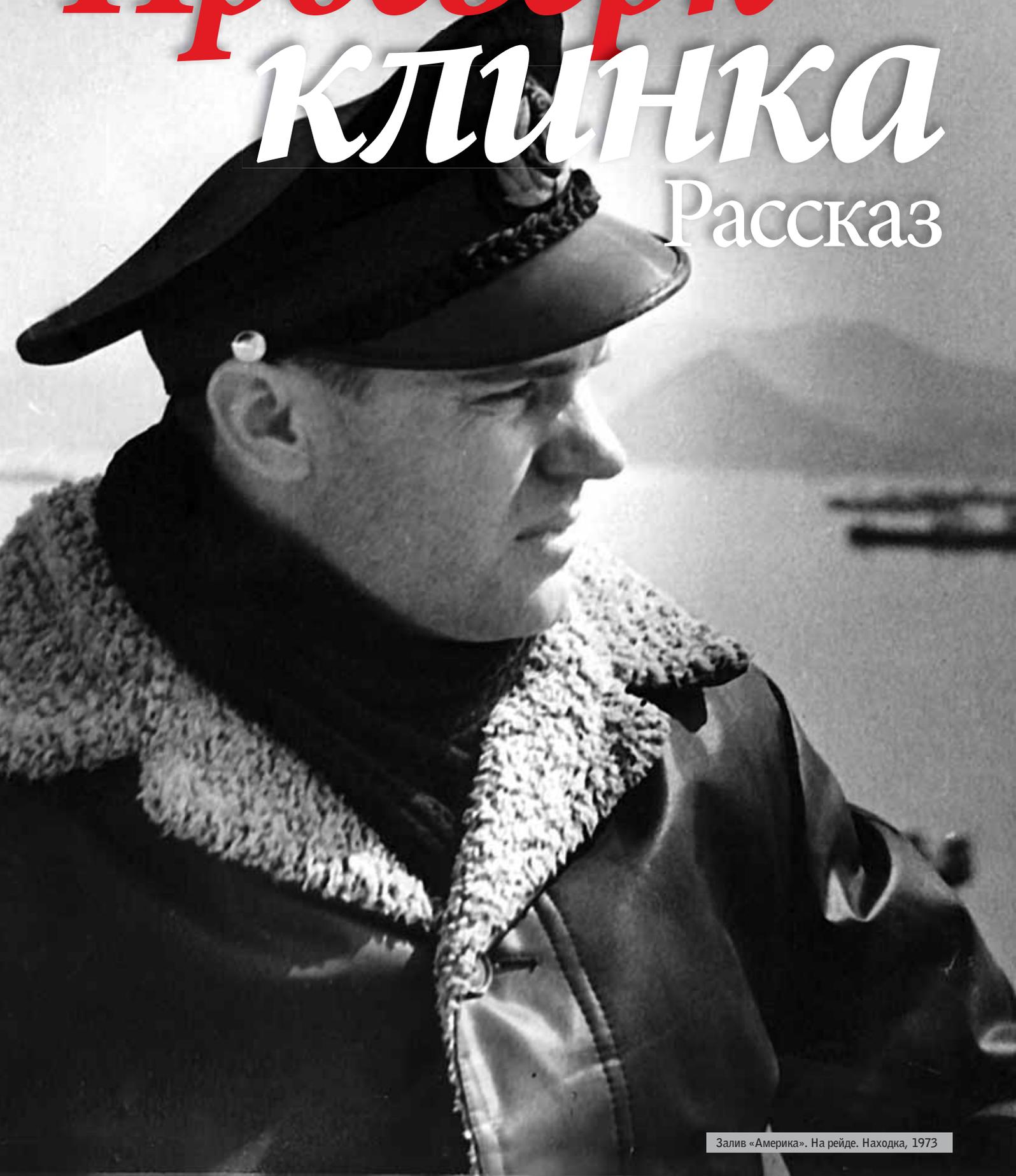
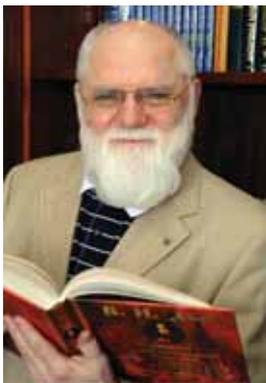

Просверк КЛИШЕНКА Рассказ

Залив «Америка». На рейде. Находка, 1973

Виктор СЛИПЕНЧУК

Виктор Слипенчук, прежде чем взяться за перо, основательно поварился в жизни. Его произведения отличают правдивость и лаконизм, когда на малой площади сказано о многом. Он проживает со своими героями все их невзгоды, все их радости и зачастую неотделим от них. Реальность его произведений настолько зрима и осязаема, что невольно вспоминаются слова Бориса Пастернака «... И тут кончается искусство, И дышат почва и судьба».

Рассказы Виктора Слипенчука «День победы», «Сладкое шампанское» и повесть «Смеющийся пупсик» изданы в Японии и Китае. В 2009 году в пекинском издательстве Modern Press вышел в свет его роман «Зинзивер». В настоящее время кандидатура Виктора Слипенчука выдвинута в качестве соискателя на звание лауреата Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства.

Вашему вниманию предлагается рассказ «Просверк клинка», написанный в 2002 году для журнала «Прорез».

С апреля 1971 и по март 1972 года я, как говорили тогда моряки-рыбаки, не вылезал из морей. Молодой, неотёсанный, с «Моби Диком» в башке и портретом папы Хема за пазухой я впервые ступил на палубу БМРТ «50 лет ВЛКСМ» в районе Ванкуверо-Орегонской банки. Нас, только что прибывших с пассажира «Марии Ульяновой», выстроили на ботдеке, и капитан самостоятельно осмотрел пополнение (сверил каждого с судовой ролью с такой тщательностью, словно эта роль каким-то образом уже была обозначена на наших лбах). Среди нас, в основном демобилизованных из армии, были мотористы, слесари, электрики, но в большинстве — матросы-обработчики, то есть матросы фабрики. Поэтому рядом с капитаном стоял зав. производством. Когда вызвали из строя меня — к капитану подошёл старший тралмейстер (главарь в иерархии матросов добычи или палубы). Кажется, на нём были полуботинки без носков, шорты цвета какао и голубенькая тенниска. Я говорю «кажется», потому что всё внимание приковывал к себе его широкий офицерский ремень и огромный, почти как тесак, нож в жёлтых кожаных ножнах, трижды перехваченный медными зажимами. Но более всего притягивал, конечно, нож, точнее, рукоять, отделанная наборными пластинками из целлулоида. Как-то сразу чувствовалось, что это не просто нож, а предмет почитания и гордости.

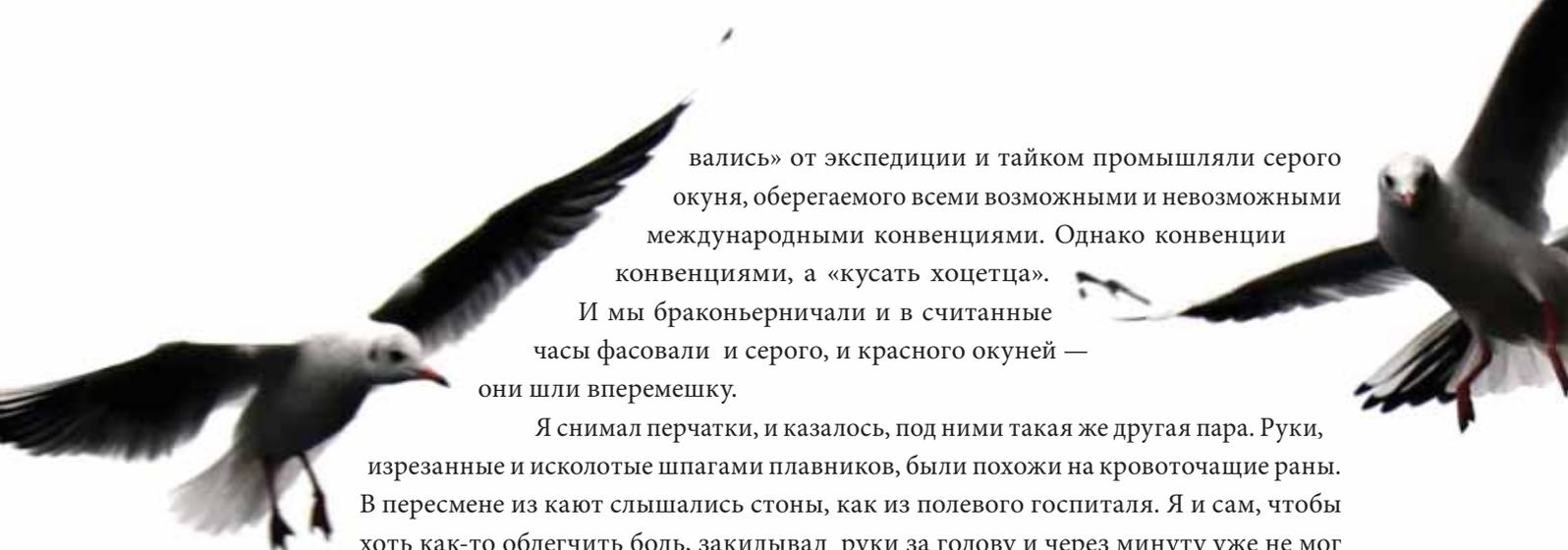
Так уж случилось, что из четырнадцати завербованных «мариманов» только я шёл по судовой роли матросом добычи. Теперь я понимаю, что в отделе кадров Находкинского управления активного морского рыболовства работали великие знатоки чёрного юмора. Послать матросом палубы человека, никогда прежде не ступавшего на палубу, это, знаете, надо быть юмористом по призванию. Впрочем, тогда мне было не до смеха.

Старший тралмейстер неторопливо обошёл меня, нисколько не смущаясь, что осматривает оценивающе-придирчиво — дескать, покупать или не покупать? Меня задело, что сам я, мой интеллект вроде как бы и ни при чём — живой товар, в чём-то схожий с рабочей лошадью, и только. Он уловил моё состояние, презрительно усмехнулся в лицо, а когда я напрягся — левой рукой чуть-чуть обнажил клинок и, повернувшись к капитану, сказал, что нет, он не возьмёт меня на палубу ни за какие коврижки. Старший тралмейстер слегка ударил ладонью по рукояти и словно поставил точку.

— На фабрику, — приказал капитан, а глаза мои всё ещё ослеплял просверк клинка — «нет!».

Ванкуверо-Орегонская банка тянется вдоль берега от Лос-Анджелеса до островов Королевы Шарлотты.

Фабрика. О хек серебристый, о минтай голубоглазый! Я стоял на фасовке в красных резиновых перчатках и не чувствовал рук, потому что ночью мы «отры-

вались» от экспедиции и тайком промышляли серого окуня, оберегаемого всеми возможными и невозможными международными конвенциями. Однако конвенции конвенциями, а «кусать хочетца».

И мы браконьерничали и в считанные часы фасовали и серого, и красного окуней — они шли вперемешку.

Я снимал перчатки, и казалось, под ними такая же другая пара. Руки, изрезанные и исколотые шпагами плавников, были похожи на кровоточащие раны. В пересмене из кают слышались стоны, как из полевого госпиталя. Я и сам, чтобы хоть как-то облегчить боль, закидывал руки за голову и через минуту уже не мог освободиться от ощущения, что держу в них своё воспалённое сердце.

А днём мы шкерили хека, то есть «гнали филе». Наши шкерочные ножи ничем не отличались от садовых, но мы обламывали им заводские кончики, а новые оттягивали не «к себе», а «от себя». Ножи становились похожими на разбойничьи «финки», и всё же в сравнении с ножами добытчиков они выглядели явной «порнографией». Более того, лично для меня шкерочный нож служил дополнительным напоминанием о старшем тралмейстере, и я ушёл на выбивку.

Я выкатывал тележки из морозилок и из алюминиевых противней выбивал брикеты свежемороженой рыбы, которые тут же укладывались в картонные короба. Нет нужды говорить, что из этих погнутых бесформенных противней рыба выбивалась с таким трудом, что всякий выбивальщик на БМРТ был больше похож на молотобойца. Иногда сквозь рваные перчатки пальцы буквально припаивались к инистому алюминию, и тогда живая кожа отдиралась с мясом, отслаиваясь от синих ногтей. Но и это ещё не было адом.

Весь август и весь сентябрь хек шёл валом. Фабрика не успевала обрабатывать сырец, и капитан приказал варить рыбную муку. Тукомольный агрегат, словно бетономешалка, вываливал в трюм чадающую комкообразную массу, и я пропускал её через РМУ, рыбодробильную мучную установку. Потом с помощью лопаты и иглы я затаривал и зашивал мешки, а чтобы они, не дай бог, не привалили меня, укладывал их ровными штабелями.

Я работал один — шесть через шесть. То есть шесть часов вахты сменялись шестичасовым отдыхом, за время которого возле РМУ накапливались такие горы необработанного тука, что мною невольно овладевало отчаяние.

Почему зав. производством назначил меня матросом РМУ? Предполагаю, что причина в его обычном противостоянии старшему тралмейстеру. На любом судне матросы добычи — привилегированная белая кость, а обработчики — рабсила, и только. И вдруг в моём лице добытчик попадает в обработчики. Ну как тут не отыграться?! И меня опустили, опустили ниже фабрики, в трюм. Разумеется, тут всё имело значение: и его герметичность, и расположение (рядом с машинным отделением), и удушливая вонь свежесваренной массы, ассоциирующаяся с вонью геенны огненной. Впрочем, когда я включал РМУ и вибрация и рёв почти физически смешивались с жёлтым непроглядным облаком, застилающим светильники, я уже точно знал, что я в аду.

Я работал в плавках. Обильный пот заливал глаза и уши — терялось чувство времени и пространства. Единственное спасение — труба вентилятора. Но она выходила на траловую палубу, и добытчики (ирония судьбы), чтобы не дышать смрадом мукомольного трюма, частенько забивали её старыми бушлатами и всякой другой ветошью. И тогда, обессиленный угаром, я выключал установку и, стараясь не упасть, поднимался к добытчикам. Поначалу они хохотали и, юродствуя, шарахались от меня. Я поднимался к ним как бы с того света. Да так оно и было. Я не вступал в споры.

БМРТ «Надеждинск», на фоне сухогруза «Виктор Васнецов». Императорская банка, 1972

Я стоял, смотрел на линию горизонта и — дышал. Дышал всей грудью и всеми небесами. Мир был красив и чудесен, и я знал, наверное, что американское небо и небо над Россией, на которое, быть может, именно сейчас смотрит, как и я, близкий мне, родной человек, — есть одно небо. Я понимал это настолько объёмно и полно, что горло перехватывали спазмы.

Потом я вытаскивал из трубы вентилятора старые бушлаты и ветошь и выбрасывал за борт. Так повторялось много раз, но однажды я поднялся на палубу и не услышал обычного хохота. Никто меня не задирает, не юродствовал, а моё появление, появление матроса, измороженного нечеловеческим трудом, принесло на палубу даже некоторое облегчение (я это почувствовал по какой-то общей ауре, вдруг коснувшейся меня).

Тогда я ещё не знал, что где-то там, в небесной канцелярии, ведётся скрупулёзный учёт человеческому страданию. И всё то, что ещё вчера заслуживало нареканий и упрёков, завтра вполне может обернуться в вашу пользу и заслужить хвалу и уважение.

Я старался не смотреть на старшего тралмейстера, но рукоять ножа, заворачивая, притягивала. Пересилив себя, поднял голову. Через всё небо от горизонта до горизонта стояла широкая, резко очерченная радуга. Она стояла основательно, как Триумфальная арка, и наше судно, единственное, скользило уже как бы под нею. Во всяком случае, солнца я не видел, но лучи света, пронизывая воздух, создавали причудливые световые тени. А волны водной пыли, подхваченные порывами ветра, окатывали палубу так, что казалось — мы купаемся в радуге.

Ванкуверо-Орегонская банка. БМРТ «50 лет ВЛКСМ», 1971

Я очень удивился, что добытчики не обратили никакого внимания ни на меня (человека, покушающегося на их комфорт), ни на радугу, ни вообще ни на что.

Судно внезапно сделало крутой разворот, цветные тени, кружась, прошли по слипу, а я очутился у топенантной лебёдки. Когда поднялся — вдруг увидел на стальном бортике кармана, рядом с турачкой стяжного троса, четыре сморщенных и как бы заскорузлых пальца. Кровавые сгустки блестели на ржавом железе, как чёрный солидол. Конечно, мне не составило труда догадаться, что это пальцы одного из добытчиков, а судно, круто развернувшись, пошло встречным курсом на пассажир «Туркмения», о котором мы уже знали и который со дня на день уже ждали в районе лова.

В тот раз я не стал вытаскивать из трубы вентилятора рваные бушлаты и другую ветошь. Я даже не стал спускаться в мукомольный трюм. Что-то подсказывало, что я уже внесён в иные списки: и матрос РМУ, и матрос фабрики, всё это — вчерашний день.

После пассажира мы не вернулись в Ванкуверо-Орегонскую экспедицию. Мы пошли к острову Кадьяк и дальше — к Аляске. УАМР, Управление активного морского рыболовства, предписывало нам заняться ловом полярной тресочки. Матросы фабрики почти полностью обновились, и я чувствовал себя в некотором смысле «дембелем», потому что по вербовочному контракту (пять месяцев морей) я своё «отпахал» и имел полное право уйти на «Туркмении» домой. Но я не ушёл. Это покажется странным, но меня удержал на борту БМРТ просверк клинка — «нет!», который после «чепэ» на палубе буквально преследовал даже во сне.

Развязка наступила, когда капитан выстроил вновь прибывших и оказалось, что среди них нет ни одного матроса добычи. Я чувствовал, что меня будут агитировать на палубу, и придумывал всевозможные картины мщениа. Особенно сладостной представлялась такая: мы со старшим тралмейстером стоим в окружении добытчиков.

— На палубу? — переспрашиваю я раздумчиво и, как бы в забывчивости, трогаю целлулоидную рукоять ножа у него на поясе и в точности, как некогда он, чуть-чуть обнажаю клинок.

— Да, на палубу — матросом добычи, — подтверждает старший тралмейстер.

И тогда лёгким движением руки я вбиваю клинок в ножны и разом освобождаюсь и от раздумчивости, и от забывчивости — от всего.

— Ни за какие коврижки — ни за какие! — презрительно усмехаюсь я, и чувство отмщениа пьянит и веселит меня.

Всё произошло иначе. Где-то в полдень старпом объявил по «спикеру», судовой радиотрансляции, что любой матрос-обработчик, желающий работать матросом добычи, должен не откладывая написать заявление на имя капитана-директора и отдать старшему тралмейстеру.

Это был удар ниже пояса. Два дня я находился в смятении. До меня докатывались слухи, что «чепэ» оттолкнуло желающих искать счастья на палубе. К тому же с каждым днём мы всё дальше и дальше продвигались на север, и в шторм, если волна накрывала бак, то веер брызг осыпался на корму градом. И всё же желающий мог найтись, этаким Чонкин или Швейк. Во всяком случае, я не исключал его.

*Пусть будет, как будет, —
ведь как-нибудь да будет!
Ведь никогда так не было,
чтобы никак не было, —*

повторял я известную швейковскую присказку, и в конце концов мысли о мщениа оставили меня — я обрёл утраченное спокойствие. В самом деле, за что мстить? За то, что во время перехода благодаря старшему тралмейстеру отсыпаюсь как сурок? В тепле,

уюте читаю стихи Сиддхартхе Гаутамы, в то время как на палубе пашут, невзирая ни на какую погоду. (Нет-нет, никакой мести, но и набиваться в добытчики не буду. Да-да, ни за какие коврижки.) «Пусть будет, как будет...»

В общем, только я обрёл утраченное спокойствие — вызвали в кабинет капитана. Причём по «спикеру» объявили — матросом добычи. О господи!

Как от просверка клинка всё сжалось во мне, я не знал — плакать или смеяться.

В кабинете возле гостиного стола сидел старший тралмейстер. Свежевыбритый, чистенький, но в рабочей робе. Поверх тёмно-синего ватника он был опоясан офицерским ремнём, на котором в ножнах висел незабываемый нож с наборной целлулоидной рукоятью. Я как увидел его, кажется, даже толком перестал соображать.

Между тем капитан сказал, что меня переводят на палубу, мол, надо готовить промвооружение, работы неспортивот.

— Не пойду, — отрезал я. — Сразу не взяли по судовой роли, а теперь — ни за какие коврижки.

И, чтобы отказ прозвучал более убедительным, добавил:

— Да и настоящего хорошего ножа у меня нет.

Старший тралмейстер усмехнулся.

— А этот как, подойдёт?!

Он снял офицерский ремень и вместе с ножом подал мне.

— Дарю, точнее, продаю за рубль.

Я растерялся. Я слишком хорошо знал цену этому подарку.

Вмешался капитан.

— Бери-бери, тралмейстеру он без надобности — завтра на «Лотосе» уходит домой.

Через час я был на палубе. Добытчики вязали мат, а я распускал капроновый канат и с помощью ножа приготавливал им из прядей равные по длине завязки. (Кстати, рукоять ножа была нескользкой, потому что целлулоидные пластинки шли вперемешку с медными, которые чуть-чуть выступали). Разумеется, все добытчики заметили, что у меня нож старшего тралмейстера, но никто и словом не обмолвился. Я тоже ничего не сказал, но в первые, самые трудные дни, постоянно чувствовал его как бы братское заступничество.

А потом, чуть позже, когда благодаря ножу я вызволил прекрасные яловые сапоги напарника (запутались в мелкаячеистой сети, и я успел их отсечь от трала, уходящего в пучину), я и вовсе стал равным среди равных. Потому что «вызволить сапоги» — это то же самое, что вызволить напарника (ещё секунду — и он точно бы ушёл навсегда). А сколько раз я спасал свои сапоги?!

Впрочем, как сказал классик, это другая повесть. А в настоящей по приходу в порт приписки я был удостоен хвалебной статьи в многотиражке «За активный лов». В ней на вопрос корреспондента — «Что помогло мне выстоять в морях?» — я скромно ответил: «Твёрдость характера матроса добычи и любовь к социалистическому соревнованию». Это была такая откровенная лажа, что я решил — корреспондент перепутал фамилии. Во всяком случае, в моём сюжете если и помог выстоять характер, то обязательно помноженный на ослепляющий просверк клинка.

01.10.2002. КРЫМ

Сайт писателя: www.slipenchuk.ru

